

Ника Фролова

СЕРЫЕ
КРЫЛЬЯ
ЭЙРЕНА

18+

Ника Фролова

Серые крылья Эйрена

<https://litres.ru/74058018>

SelfPub; 2026

Аннотация

На планете, разделённой между ангелами, демонами и нейтральными землями Эйрена, любовь между двумя народами веками считалась преступлением.

Три года назад королева Амалия нарушила древний порядок и разрешила своим подданным вступать в союзы с демонами на свободной земле. Она верила, что этот закон станет началом мира.

Но надежда обернулась трагедией.

Дети, рождённые от смешанных союзов, появляются на свет слабыми и редко доживают до года. Ангелы называют их проклятием, демоны — позором, а Советы обеих стран требуют уничтожить Эйрен.

Чтобы спасти землю, которую сама открыла для запретной любви, Амалия отправляется на переговоры. Но в нейтральных землях её ждут не только политические интриги и чужая ненависть, но и древняя тайна, способная изменить судьбу двух миров.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Земля, которую хотят стереть	16
Глава 1	16
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ника Фролова

Серые крылья Эйрена

Пролог

Закон Амалии

В первый день своего правления королева Амалия открыла двери Белого зала для тех, кого прежние правители заставляли стоять за ними.

Она не помнила тишины тяжелее той, что опустилась на дворец в это утро. Высокие окна пропускали мягкий расцветный свет, мраморные стены сияли холодным жемчугом, а над тронем Аурелии неподвижно висело древнее знамя ангелов — белое крыло на золотом круге.

Амалия стояла перед тронем и не решалась сесть.

Корона была слишком тяжёлой.

Её отец умер сорок дней назад. Сорок дней двор носил траур. Сорок дней советники спорили за закрытыми дверями. Сорок дней старшие роды присматривались к молодой наследнице так, словно ждали, выдержит ли она вес власти или треснет при первом ударе.

Амалия знала, чего они хотели.

Чтобы она была послушной.

Красивой.

Благородной.

Удобной.

Но в то утро двери Белого зала открылись не только для лордов, хранителей закона и рыцарей короны.

За ними вошли простые жители Аурелии.

Женщины с заплаканными глазами. Мужчины с опущенными головами. Молодые ангелы, прячущие дрожащие руки в складках одежды.

И среди них были те, кто любил не тех.

Те, кто шептал имена демонов во сне.

Те, кто тайно уходил за границу Эйрена, чтобы хотя бы несколько дней прожить без страха.

Первый советник Серафин Арвелл стоял справа от трона. Его лицо оставалось спокойным, но пальцы крепко сжимали навершие посоха.

Когда Амалия взяла свиток с новым законом, Серафин тихо обратился к ней:

— Ваше Величество, вы ещё можете отложить объявление.

Амалия не посмотрела на него. Её взгляд был направлен на людей в зале.

— Я уже откладывала его всю жизнь, лорд Серафин, — ответила она.

Серафин сделал шаг ближе и понизил голос, чтобы его

слышала только королева и ближайшие советники.

— Этот закон расколется страну.

Амалия повернула к нему голову.

— Нет. Страну расколол страх. Я лишь называю его вслух.

Серафин сдержанно выдохнул.

— Ангелы и демоны не созданы для единства, Ваше Величество.

Амалия посмотрела ему прямо в глаза.

— Кто это решил?

— История, — ответил Серафин.

— Историю писали те, кто выжил после войн, — сказала Амалия. — Не те, кто хотел их остановить.

Советники за спиной Серафина переглянулись. Кто-то наморщился. Кто-то опустил взгляд.

Серафин замолчал.

Амалия развернула свиток. Серебристая печать короны блеснула на нижнем краю пергамента.

Она поднялась на первую ступень трона, но не села.

Ей хотелось, чтобы народ видел её стоящей. Не над ними.

Перед ними.

Амалия обратилась ко всему залу:

— С этого дня жители Аурелии получают право вступать в союз с представителями Моргана на территории нейтральных земель Эйрена.

По залу прошёл громкий шёпот.

Кто-то ахнул.

Кто-то тихо заплакал.

Один из старших советников, лорд Вирен, резко повернулся к Серафину, но тот поднял руку, приказывая молчать.

Амалия продолжила, глядя на людей перед собой:

— Эти союзы не будут считаться изменой крови, веры или короне. Ни один ангел не будет лишён имени, дома или права на защиту за то, что выбрал любовь.

На последних словах молодая женщина в толпе упала на колени.

Её серые от дорожной пыли крылья дрожали за спиной. Она прижимала к груди маленький кулон с чёрным камнем — демонический знак, запрещённый в Аурелии.

Женщина подняла глаза на Амалию и прошептала:

— Спасибо, Ваше Величество.

Амалия услышала.

И тогда королева впервые за это утро позволила себе поверить, что поступает правильно.

Серафин же смотрел не на женщину.

Он смотрел на Амалию.

И в его взгляде не было благодарности.

После объявления закона её называли по-разному.

Одни — милосердной.

Другие — безумной.

Третьи шептали за спиной: слишком молода, слишком мягка, слишком женственна для трона, на котором нужны не сердце и сострадание, а холодный расчёт.

Но Амалия не отменила закон.

В первый год нейтральные земли наполнились людьми.

Эйрен, страна между Аурелией и Морганом, расцвёл так, будто веками ждал этого дыхания свободы. На его улицах рядом ходили белые и чёрные крылья. В лавках продавали ткани из обеих стран. На площадях звучали песни на двух языках. В маленьких домах у горных склонов ангелы и демоны учились жить без приказов своих корон.

Амалии присылали письма.

В одном письме молодая ангельская девушка писала:

«Спасибо, Ваше Величество. Теперь я могу назвать его мужем».

В другом письме мать благодарила королеву:

«Моя дочь больше не прячется».

А в третьем, написанном неровной мужской рукой, было всего несколько строк:

«В Эйрене родился наш сын. У него мои глаза и крылья матери. Мы назвали его в честь мира, которого никогда не знали».

Амалия хранила эти письма в резной шкатулке у окна. Иногда, в особенно тяжёлые вечера, когда Совет давил на неё новыми запретами и угрозами, она доставала их и перечитывала.

Ей казалось, что так выглядит надежда.

Но надежда оказалась хрупкой.

На второй год стали приходить другие письма.

Сначала осторожные.

«Малыш слаб, но знахари говорят, что он выкарабкается».

Потом отчаянные.

«У дочери жар. Крылья не раскрываются. Помогите нам».

Потом короткие.

«Он не дожил до утра».

К концу второго года в Эйрене начали строить маленькие бело-чёрные кладбища. Камни там были совсем небольшими. Иногда на них даже не успевали высечь имена.

Дети смешанной крови рождались редко здоровыми. Многие появлялись на свет с бледной кожей, тонкими крыльями и слабым дыханием. Одни умирали в первые дни. Другие жили месяцы. До года доживали единицы.

И тогда любовь, которую Амалия хотела защитить, стала оружием в руках тех, кто всегда её ненавидел.

Однажды Серафин вызвал королеву в малый зал Совета.

На длинном столе лежали списки умерших детей. Имена, даты рождения, даты смерти.

Амалия стояла у стола и смотрела на строки так долго, что буквы начали расплываться.

Серафин стоял напротив неё.

— Вы открыли дверь проклятию, Ваше Величество, — сказал он.

Амалия не подняла глаз.

— Это не проклятие, лорд Серафин.

— А что же?

— Болезнь. Магическое несовпадение. Последствие многовековой изоляции. Что угодно, но не повод убивать надежду.

Серафин холодно посмотрел на списки.

— Надежда уже убивает детей.

Амалия резко подняла глаза.

— Нет. Их убивает то, чего мы ещё не понимаем.

— Тогда мы должны остановить это, — сказал Серафин.

— Остановить смерти? — спросила Амалия.

— Остановить Эйрен.

В зале стало тихо.

У окна стояли ещё двое советников: лорд Вирен и леди Аурелия. До этого они молчали, но после слов Серафина Вирен едва заметно кивнул.

Амалия посмотрела сначала на него, потом снова на первого советника.

— Что вы сказали? — медленно спросила она Серафина.

Серафин не отвёл взгляда.

— Нейтральные земли стали местом страдания. Ангелы уходят туда за любовью и возвращаются с мёртвыми детьми. Некоторые не возвращаются вовсе. Наши дома слабеют. Наша кровь смешивается. Наш народ теряет себя.

Амалия сжала край стола пальцами.

— Наш народ учится не ненавидеть.

Серафин указал на списки.

— Наш народ хоронит младенцев, Ваше Величество.

Эти слова ударили сильнее, чем обвинение.

Амалия посмотрела на имена.

— И вы предлагаете уничтожить целую страну? — спросила она.

— Я предлагаю признать ошибку, — ответил Серафин.

— Мою ошибку?

— Ваш закон.

Леди Лиана, до этого молчавшая, осторожно вмешалась:

— Ваше Величество, Совет не требует жестокости. Но Эйрен стал раной между двумя странами.

Амалия повернулась к ней.

— Раны лечат, леди Аурелия. Их не вырезают вместе с сердцем.

Лорд Вирен нахмурился.

— Иногда вырезают, если заражение угрожает всему телу.

Амалия медленно посмотрела на него.

— Вы говорите о живых людях, лорд Вирен.

Вирен опустил взгляд, но ответил:

— Я говорю о будущем Аурелии.

— Нет, — сказала Амалия. — Вы говорите о страхе.

Серафин сделал шаг ближе к столу.

— Морган требует того же.

Амалия замерла.

— Демоны?

— Да, Ваше Величество, — ответил Серафин. — Их правитель считает, что Эйрен порочит силу их народа. Смешан-

ные дети умирают и уносят с собой демоническую кровь. В Моргане это называют позором.

Амалия горько усмехнулась.

— В Аурелии — проклятием. В Моргане — позором. Как удивительно быстро две страны находят общий язык, когда речь идёт об убийстве.

Лорд Вирен сдержанно произнёс:

— Речь идёт не об убийстве. Речь идёт о будущем.

Амалия повернулась к нему всем корпусом.

— Будущее, построенное на сожжённых домах, всё равно будет пахнуть пеплом.

Серафин заговорил мягче:

— Тогда докажите, что есть другой путь.

Амалия посмотрела на него настороженно.

— Что вы предлагаете?

Серафин положил ладонь на списки умерших детей.

— Отправьтесь в Эйрен. Посмотрите на то, что создал ваш закон. Поговорите с семьями. С матерями. С отцами. С теми, кто потерял детей. И после этого скажите Совету, что нейтральные земли всё ещё достойны защиты.

Амалия поняла его замысел сразу.

Он хотел, чтобы она увидела горе.

Чтобы сломалась.

Чтобы вернулась и сама подписала приговор Эйрену.

Она посмотрела на списки умерших детей.

Потом на свои руки.

Руки королевы. Чистые. Белые. Ни разу не державшие умирающего младенца в холодную ночь.

— Я поеду, — сказала Амалия.

Серафин слегка склонил голову.

— С охраной Совета?

— С королевской свитой, — ответила Амалия. — Но говорить я буду сама.

Лорд Вирен переглянулся с Серафином.

— Ваше Величество, это может быть опасно, — сказал он.

— Опаснее, чем решать судьбу страны, не глядя в глаза её жителям? — спросила Амалия.

Вирен замолчал.

Серафин выдержал паузу, затем произнёс:

— Представителем Моргана назначен генерал Каэль, брат правителя Малека.

Имя прозвучало тяжело, будто в зал внесли оружие.

Амалия слышала о нём.

Каэль Морган.

Главный генерал демонов. Младший брат правителя. Человек, о котором в Аурелии рассказывали вполголоса: жестокий, расчётливый, опасный. Говорили, что он выиграл три пограничные кампании, не проиграл ни одной дуэли и никогда не оставлял врагу второго шанса.

Амалия спросила Серафина:

— Почему генерал, а не дипломат?

За первого советника ответил лорд Вирен:

— Возможно, Морган уже считает Эйрен будущим полем боя.

Амалия подошла к окну.

За стеклом падал снег. Белый, безупречно чистый, он ложился на сад дворца, скрывая грязь дорожек и мёртвые листья.

Как удобно, подумала Амалия. Белое всегда умеет делать вид, что под ним нет ничего страшного.

Она повернулась к советникам.

— Подготовьте дорогу, — приказала Амалия. — Мы отправляемся через три дня.

Серафин поклонился.

— Как прикажете, Ваше Величество.

Лорд Вирен тоже склонил голову.

Леди Лиана опустила взгляд.

Советники вышли.

Амалия осталась у окна одна.

Где-то далеко, за горами и реками, жил Эйрен. Земля тех, кто поверил ей. Земля, где ангелы и демоны осмелились любить, потому что молодая королева однажды сказала им: вы имеете право.

И теперь та же королева должна была решить, имеют ли они право жить.

Амалия закрыла глаза.

В памяти вспыхнул голос женщины из Белого зала, той самой, что упала перед ней на колени три года назад.

«Спасибо, Ваше Величество».

Королева сжала пальцы.

— Не благодарите меня, — прошептала Амалия в пустоту. — Я ещё не знаю, спасла ли я вас или обрекла.

Часть 1. Земля, которую хотят стереть

Глава 1

Дорога в Эйрен

На третий день после решения Совета королевская процессия покинула Аурелию.

Дворец остался позади — белый, высокий, безупречный, как выточенная из кости молитва. Его башни ещё долго виднелись над заснеженными холмами, пока дорога не свернула к югу, туда, где земли ангелов теряли свою холодную правильность и начинался путь к границе.

Амалия ехала в закрытой карете, но занавески не задёргивала.

Ей хотелось видеть дорогу.

Слишком долго она смотрела только на стены дворца, лица советников и документы, в которых человеческие жизни умещались в ровные строки. Здесь, за стеклом, мир был грязнее, живее и честнее.

Снег постепенно редел. Белые поля сменялись серыми

равнинами, потом тёмными лесами. Чем ближе процессия подъезжала к Эйрену, тем меньше становилось королевских знаков на придорожных столбах. Золотой круг Аурелии попадался всё реже. Иногда его перекрывали старые метки нейтральных земель — три переплетённые линии: белая, чёрная и серая.

Амалия смотрела на них дольше, чем следовало.

Напротив королевы сидела Лиана, её младшая советница. Она была единственной при дворе, рядом с кем Амалия могла позволить себе молчать без страха, что это молчание потом перескажут Серафину.

Лиана внимательно посмотрела на королеву и тихо сказала:

— Вы почти не спали, Ваше Величество.

Амалия не отвела взгляда от окна.

— Королевам не обязательно спать.

Лиана слегка нахмурилась.

— Зато обязательно дышать.

На это Амалия едва заметно улыбнулась.

— Ты всё ещё слишком смело разговариваешь со мной,

Лиана.

— Кто-то же должен, — спокойно ответила советница.

Лиана была моложе большинства советников, но умела видеть то, что старшие предпочитали не замечать. Её крылья были небольшими, молочно-белыми, с редкими серебристыми перьями по краям. При дворе многие считали её слиш-

ком мягкой. Амалия знала: мягкость Лианы была не слабостью, а способом не стать похожей на остальных.

Некоторое время они ехали молча.

Потом Амалия спросила Лиану:

— Ты думаешь, я ошиблась?

Лиана сразу поняла, о каком законе говорит королева.

Она опустила взгляд на руки, сложенные на коленях.

— Я думаю, вы сделали то, что считали правильным.

Амалия повернулась к ней.

— Это не ответ.

Лиана подняла глаза.

— Это единственный честный ответ, который у меня есть.

Амалия опустила взгляд на свои руки. На пальце холодно блестело кольцо короны — тонкое, золотое, с белым камнем в центре. Ещё одна вещь, которую нельзя было снять.

— Дети умирают, Лиана, — сказала Амалия.

— Да, Ваше Величество, — тихо ответила советница.

— Из-за закона, который подписала я.

Лиана подалась вперёд.

— Не из-за закона.

Амалия посмотрела на неё устало.

— Разве?

— Ваш закон не убивал детей, — сказала Лиана. — Он позволил их родителям перестать прятаться.

— Какая разница для тех, кто теперь стоит у маленьких могил?

Лиана не нашлась, что ответить.

И это молчание оказалось хуже любых обвинений.

Колёса кареты стукнули по каменной переправе. За окном показалась пограничная река. Её воды были тёмными, почти чёрными, и не замерзали даже зимой. На другом берегу начинался Эйрен.

Амалия почувствовала, как что-то сжалось в груди.

Три года назад она подписала закон, глядя в глаза людям, которые верили ей. Теперь она ехала смотреть, во что превратилась их вера.

На мосту процессия остановилась.

Снаружи слышались голоса стражников, звон упряжи, скрип шагов по камню. Дверца кареты открылась, выпуская резкий ветер.

На пороге появился капитан королевской охраны.

Он поклонился Амалии и доложил:

— Ваше Величество, нас встречают представители Эйрена.

Амалия кивнула.

— Я выйду.

Она поднялась и покинула карету.

Холод ударил в лицо. Королева расправила крылья лишь наполовину, чтобы удержать равновесие на ветру. За её спиной тут же выстроились рыцари Аурелии в белых плащах.

На середине моста стояли трое.

Женщина-ангел с усталым лицом. Демон в тёмной дорож-

ной одежде. И пожилой мужчина с серыми крыльями, слишком тусклыми для ангела и слишком светлыми для демона.

Амалия впервые в жизни увидела взрослого полукровку.

Пожилой мужчина поклонился ей низко, но без раболепия.

— Ваше Величество, — произнёс он. — Я Орен Таль, наместник Эйрена. Нейтральные земли приветствуют вас.

Голос его был хриплым, но спокойным.

Амалия посмотрела на его крылья. Серые перья двигались на ветру неровно, будто каждое из них помнило отдельную боль.

— Благодарю за встречу, наместник Орен, — ответила она.

Орен выпрямился, но взгляд его остался серьёзным.

— Должен предупредить вас, Ваше Величество. Представитель Моргана уже прибыл.

Лиана, стоявшая чуть позади королевы, заметно напряглась.

Амалия сохранила ровное лицо.

— Генерал Каэль?

— Да, Ваше Величество, — ответил Орен.

— Где он?

Орен помедлил.

— В зале переговоров.

Амалия чуть прищурилась.

— Уже?

— Да, Ваше Величество.

— И почему же он не вышел к мосту?

Орен неловко опустил взгляд.

— Генерал сказал, что ждать на мосту — занятие для тех, кто приехал просить, а не решать.

Несколько рыцарей Аурелии возмущённо зашептались.

Лиана резко посмотрела на Амалию, ожидая её реакции.

Королева же неожиданно для себя почти улыбнулась.

Грубость генерала была неприятной. Но честной.

После дворца, где каждый яд подавали в серебряной чаше, прямое оскорбление казалось почти свежим воздухом.

Амалия сказала Орону:

— Тогда не будем заставлять генерала скучать.

Орен внимательно посмотрел на неё, словно пытался понять, какую королеву ему привезли: ту, что подарила Эйрену надежду, или ту, что приехала подписать его смерть.

Амалия выдержала этот взгляд.

Но внутри ей стало стыдно.

Они въехали в Эйрен ближе к полудню.

Столица нейтральных земель называлась Вейра. Город был построен у подножия горы, на вершине которой темнели развалины древнего замка. Его башни, сломанные и острые, торчали в небо, как кости давно умершего великана.

Амалия увидела их ещё издалека.

Она обратилась к Орону, который ехал рядом с каретой верхом на низком тёмном коне:

— Что это за замок?

Орен поднял взгляд к горе.

— Аэрон, Ваше Величество.

— Кто его построил?

— Никто не знает.

— Разве в Эйрене нет летописей? — спросила Амалия.

— Есть, — ответил Орен. — Но замок старше наших летописей.

Амалия долго смотрела на вершину горы. Даже на расстоянии от руин веяло чем-то странным. Не злом. Не светом. Скорее памятью.

Так пахнут закрытые комнаты, в которые никто не входил тысячу лет.

— Там кто-то живёт? — спросила королева.

Орен покачал головой.

— Нет. Местные поднимаются туда редко.

— Почему?

— Говорят, в стенах слышны голоса.

Лиана, сидевшая рядом с Амалией, тихо переспросила:

— Призраки?

Орен посмотрел на неё.

— В Эйрене не любят это слово.

Амалия спросила:

— А какое слово любят?

Орен снова посмотрел на гору.

— Остатки.

Амалия не сразу поняла, что он имел в виду. Но спросить не успела.

Карета въехала в город.

Вейра не была похожа на столицу в привычном смысле. В ней не было роскошных дворцов, идеально ровных площадей и широких улиц для парадов. Она была тесной, живой, неровной. Каменные дома стояли рядом с деревянными пристройками. На балконах сушилось бельё. Над лавками висели вывески на двух языках. У дверей некоторых домов были прибиты сразу два символа — ангельский круг и демонический клинок.

Амалия смотрела, не отрываясь.

У фонтана женщина-демон покупала хлеб у старика-ангела. На ступенях храма сидели двое подростков: у одного были белые крылья, у другой — маленькие чёрные рожки у висков. Они смеялись над чем-то, не замечая королевскую процессию.

А потом Амалия увидела кладбище.

Оно располагалось прямо за низкой оградой, рядом с домом знахарей. Маленькое. Слишком маленькое для взрослых.

Камни стояли рядами.

Белые.

Чёрные.

Серые.

На некоторых лежали игрушки: деревянная птица, ткане-

вая кукла, маленькое кольцо из сухих цветов.

Амалия отвернулась слишком поздно.

Лиана заметила её движение.

— Ваше Величество... — осторожно произнесла она.

Амалия тихо ответила:

— Я видела.

Больше они не говорили до самого зала переговоров.

Здание Совета Эйрена стояло в центре города. Оно было старым, с широкими окнами и колоннами из серого камня. Ни белым, ни чёрным. Просто серым.

У входа Амалию уже ждали представители нейтральных земель, несколько ангельских советников, прибывших раньше, и люди Моргана.

Демонов она отличила сразу.

Не только по тёмной одежде и острым линиям доспехов. В них было иное ощущение силы: не сияние, как у ангелов, а давление. Будто каждый из них принёс с собой кусок ночи.

И среди них стоял он.

Каэль Морган.

Амалия поняла это ещё до того, как Орен назвал его.

Он был выше большинства стоящих рядом мужчин. Чёрные волосы, убранные назад, открывали суровое лицо с резкими скулами. На висках поднимались тёмные рога — не слишком большие, но изогнутые так, что в них было больше достоинства, чем звериной угрозы. Его крылья были сложены за спиной: широкие, чёрные, с серебристым отливом по

краям перьев.

На нём не было короны.

Только военная форма Моргана, тёмный плащ и меч у бедра.

Но держался он так, будто любая комната, в которую он входил, временно становилась его территорией.

Каэль смотрел на Амалию без поклона.

Слишком долго.

Слишком прямо.

Рыцари Аурелии напряглись.

Амалия остановилась перед ним.

Между ними оставалось несколько шагов, но воздух уже казался натянутым, как струна.

Орен осторожно представил их друг другу:

— Ваше Величество, перед вами генерал Каэль Морган, представитель короны Моргана и брат правителя Малека. Генерал, перед вами королева Амалия, правительница Аурелии.

Амалия первой обратилась к нему:

— Генерал Морган.

Каэль чуть склонил голову, но это не было поклоном.

— Королева Амалия.

Амалия заметила это и холодно произнесла:

— В Аурелии принято склонять голову перед короной.

Каэль ответил спокойно:

— В Моргане принято склонять голову только перед тем,

кто может её удержать.

За спиной Амалии кто-то резко вдохнул.

Лиана побледнела.

Рыцарь из королевской охраны шагнул вперёд, но Амалия едва заметным движением руки остановила его.

Затем она посмотрела Каэлю прямо в глаза и сказала:

— Тогда надеюсь, генерал, у вас крепкая шея.

На мгновение в глазах Каэля мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Крепче, чем ваши законы, Ваше Величество.

Удар был точным.

Амалия почувствовала, как внутри шевельнулась боль, но лицо осталось спокойным.

— Если вы приехали обмениваться оскорблениями, переговоры будут короткими, — сказала она.

Каэль ответил:

— Если вы приехали делать вид, что Эйрен можно спасти красивыми словами, они будут бесполезными.

Амалия сделала шаг ближе.

— А вы предпочитаете решать всё мечом?

— Меч хотя бы не обещает милосердия тем, кого не может защитить.

Эти слова попали туда, куда он целился.

В кладбище у дома знахарей.

В списки умерших детей.

В её первый закон.

Амалия сказала Каэлю тихо, но твёрдо:

— Осторожнее, генерал.

Каэль чуть наклонил голову.

— С правдой?

— С уверенностью, что вы один её знаете.

Орен быстро вмешался, обращаясь к ним обоим:

— Ваше Величество. Генерал. Зал готов.

Каэль ещё мгновение смотрел на Амалию. Потом наконец чуть склонил голову.

Не поклон.

Намёк на него.

— После вас, королева, — сказал он.

Амалия прошла мимо него первой.

Она чувствовала его присутствие за спиной так отчётливо, будто он коснулся её крыльев.

Зал переговоров был круглым. В центре стоял большой каменный стол без главного места. Это, как объяснил Орен, было древним правилом Эйрена: никто не должен сидеть выше другого на земле, созданной для равновесия.

Советники Аурелии разместились справа.

Демоны Моргана — слева.

Представители Эйрена остались между ними.

Амалия и Каэль сели друг напротив друга.

На стол положили документы: отчёты о смертности, жалобы родов, требования обеих стран, карты пограничных поселений, списки семей смешанной крови.

Слишком много бумаги.

Слишком мало живых лиц.

Орен поднялся и обратился ко всем присутствующим:

— Нейтральные земли благодарят обе стороны за готовность к переговорам.

Каэль, не глядя на Орена, сухо произнёс:

— Не благодарите раньше времени.

Амалия посмотрела на него холодно.

— Вы всегда начинаете переговоры с угроз, генерал?

Каэль перевёл взгляд на неё.

— Только когда они честнее приветствий.

Один из ангельских советников, лорд Вирен, наклонился к Амалии и тихо сказал:

— Ваше Величество, с таким тоном невозможно вести диалог.

Каэль услышал его и повернулся к Вирену.

— Диалог? Три года ваши короны разрешали людям идти в Эйрен, а теперь, когда дети начали умирать, вы хотите назвать это ошибкой и сжечь место, где эта ошибка видна лучше всего.

Вирен побледнел от злости.

— Морган требует уничтожения Эйрена не меньше нашего, генерал.

Каэль спокойно ответил Вирену:

— Да. Но мы хотя бы не притворяемся, что делаем это из милосердия.

Амалия резко подняла глаза.

— Значит, вы признаёте, что приехали сюда не искать решение?

Каэль посмотрел на неё.

— Решение есть.

— Уничтожить страну?

— Закрывать рану, пока заражение не пошло дальше.

Амалия произнесла:

— Вы говорите о людях.

Каэль ответил:

— Я говорю о будущем народа.

— Нет, генерал, — сказала Амалия. — Вы говорите словами тех, кто никогда не держал на руках ребёнка, за жизнь которого борется мать.

Каэль замолчал.

Впервые с начала встречи.

Его взгляд изменился. Не стал мягче, но стал внимательнее.

Он спросил Амалию:

— А вы держали?

Вопрос прозвучал тихо.

Слишком тихо для зала, полного врагов.

Амалия могла соврать.

Могла ответить как королева: «Моя боль — боль моего народа». Могла спрятаться за красивой фразой, как пряталась уже не раз.

Но почему-то перед ним ложь показалась особенно жалкой.

Она ответила Каэлю честно:

— Нет. Не держала.

Каэль откинулся на спинку кресла.

— Тогда не говорите так, будто знаете цену их смерти.

Лиана опустила глаза.

Орен сжал руки.

Амалия почувствовала, как весь зал ждёт её ответа. Советники, демоны, жители Эйрена — все.

Она медленно положила ладонь на документы и сказала:

— Именно поэтому я здесь.

Каэль смотрел на неё без насмешки.

— Чтобы узнать цену?

— Чтобы не позволить другим назначить её за меня, — ответила Амалия.

Молчание стало другим.

Не мирным.

Но уже не пустым.

Орен осторожно продолжил заседание:

— На сегодняшний день в Эйрене зарегистрировано сто семьдесят два ребёнка смешанной крови за последние три года. Из них до года дожили двадцать девять.

Амалия закрыла глаза на одно мгновение.

Двадцать девять.

Из ста семидесяти двух.

Каэль не отвёл взгляда от наместника, но его пальцы на подлокотнике кресла сжались.

Амалия спросила Орена:

— Почему?

Орен устало покачал головой.

— Мы не знаем, Ваше Величество. Знахари говорят о конфликте крови. Маги — о несовместимости крыльев и внутренней силы. Старые семьи — о проклятии.

Амалия посмотрела на него внимательнее.

— А вы что думаете, наместник?

Орен ответил не сразу.

Потом тихо сказал:

— Я думаю, что мы слишком долго жили разделёнными. Даже наши тела забыли, что когда-то могли быть ближе.

Каэль усмехнулся, но в этот раз без прежней жестокости.

— Красивое объяснение для кладбища.

Орен повернулся к нему.

— У вас есть другое, генерал?

Каэль ответил без колебаний:

— Да. Прекратить смешанные союзы.

Орен спросил:

— То есть запретить людям любить?

— Любовь не стоит жизни детей, — сказал Каэль.

Амалия подняла взгляд на него.

— А ненависть стоит?

Каэль посмотрел ей прямо в глаза.

— Ненависть хотя бы честно признаёт, что после неё остаются мёртвые.

— Как удобно для военного, — сказала Амалия.

Каэль ответил:

— Как удобно для королевы — верить, что подпись под законом меняет природу мира.

Она хотела ответить сразу.

Остро.

Гордо.

Так, чтобы поставить его на место перед всеми.

Но слова застряли.

Потому что он был прав ровно настолько, чтобы причинять боль.

Амалия действительно верила, что закон может открыть дверь миру.

Но она не подумала, что за дверью окажутся не только свобода и свадьбы, но и слабые дети, испуганные матери, маленькие могилы у дома знахарей.

Переговоры длились пять часов.

Они ни к чему не привели.

Аурелия требовала закрыть Эйрен и вернуть ангелов домой.

Морган требовал выселить демонов и уничтожить поселения смешанной крови.

Эйрен просил времени, лекарей, магов, защиту и право жить.

Каэль резал каждое предложение холодной логикой.

Амалия защищала Эйрен, но с каждым новым отчётом её голос становился тяжелее.

К вечеру зал опустел.

Советники разошлись по комнатам, демоны покинули здание первыми, представители Эйрена остались собирать документы.

Амалия вышла на балкон.

Вейра лежала внизу, освещённая жёлтыми огнями. Город не выглядел проклятым. Он выглядел уставшим.

Где-то плакал ребёнок.

Амалия вздрогнула.

Из дверей балкона послышался голос Каэля:

— Вы слишком болезненно реагируете для той, кто подписывает судьбы стран.

Амалия не обернулась.

— А вы слишком равнодушно говорите о смерти для того, кто должен защищать живых.

Каэль вышел к ней, но не приблизился слишком сильно.

Между ними оставалось расстояние, достаточное для приличия и недостаточное для спокойствия.

Он сказал:

— Я защищаю своих.

Амалия повернулась к нему.

— А жители Эйрена не свои никому?

Каэль посмотрел вниз, на город.

— Они выбрали быть между.

— Иногда «между» — единственное место, где можно дышать, — сказала Амалия.

— До первого пожара, — ответил Каэль.

Амалия спросила его прямо:

— Вы правда хотите этого?

— Чего?

— Уничтожить Эйрен.

Лицо Каэля стало непроницаемым.

— Я хочу, чтобы Морган выжил.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который имеет значение для правителя.

Амалия напомнила ему:

— Но вы не правитель.

Каэль медленно посмотрел на неё.

В его глазах на мгновение мелькнула тень.

— Нет. Я всего лишь тот, кого правитель посылает туда, где решения слишком грязные для его рук.

Амалия впервые услышала в его голосе не высокомерие.

Усталость.

Она не ожидала этого. И оттого на секунду растерялась.

— Тогда, возможно, мы оба здесь не по своей воле, — сказала она тише.

Каэль усмехнулся, но уже без злости.

— Не приписывайте мне сходство с вами, королева.

Амалия посмотрела на него.

— Боитесь?

Каэль чуть прищурился.

— Чего?

— Что оно окажется правдой.

Он сделал шаг ближе.

Совсем небольшой.

Но Амалия почувствовала его так, будто воздух между ними стал горячее.

Каэль сказал:

— Вы опасно разговариваете с демоном.

Амалия ответила:

— А вы забываете, что говорите с королевой.

— Я ничего не забываю, — произнёс Каэль.

Он сказал это почти спокойно.

Но почему-то именно от спокойствия по коже Амалии прошёл холод.

Они смотрели друг на друга слишком долго.

Потом внизу снова заплакал ребёнок.

Звук был слабый, надрывный.

Амалия первой отвела взгляд.

— Завтра я хочу посетить семьи, — сказала она.

Каэль спросил:

— Зачем?

— Хочу увидеть то, о чём сегодня говорили.

— Вам не понравится.

— Я не за этим еду.

Каэль молчал несколько секунд.

Потом сказал:

— Я пойду с вами.

Амалия удивлённо посмотрела на него.

— Чтобы проследить?

— Чтобы вы не выбрали только тех, кто умеет красиво страдать перед королевой.

— Вы не доверяете никому, генерал.

Каэль ответил:

— Доверие — роскошь стран, которые не граничат с врагами.

Амалия поправила край плаща.

— Тогда до завтра, генерал.

Каэль чуть склонил голову.

— до завтра, Ваше Величество.

Он ушёл первым.

Амалия осталась на балконе одна.

Внизу продолжал жить город, который обе страны уже мысленно приговорили.

А на горе над ним темнел старый замок Аэрон.

Разрушенный.

Немой.

Будто ждал, когда те, кто называли себя светом и тьмой, наконец вспомнят, что у пепла тоже есть цвет.

Глава 2

Дом с серой колыбелью

Утро в Вейре началось не с колоколов и не с королевских труб.

Оно началось с запаха дыма, мокрого камня и хлеба.

Амалия проснулась до рассвета. В комнате, которую ей отвели в доме Совета Эйрена, было прохладно. Стены здесь не сияли белым мрамором, как во дворце Аурелии. Они были серыми, неровными, с тонкими трещинами у окна. На подоконнике стояла глиняная чашка с засохшими полевыми цветами.

Кто-то поставил её туда до её приезда, будто хотел сделать комнату гостеприимнее, но не знал, как принимают королев.

Амалия долго смотрела на эти цветы.

Во дворце для неё срезали живые лилии каждое утро.

Здесь ей оставили сухие.

Почему-то это казалось честнее.

Она поднялась, не вызывая служанок. Белая ночная рубашка мягко скользнула по коже, когда она подошла к умывальнику. Вода в кувшине была холодной. Амалия умылась, задержала ладони у лица и несколько мгновений просто сто-

яла так, чувствуя, как ледяные капли стекают по запястьям.

Сегодня она должна была увидеть семьи Эйрена.

Не отчёты.

Не списки.

Не сухие строки на пергаменте.

Людей.

Дверь тихо приоткрылась.

На пороге появилась Лиана и осторожно позвала:

— Ваше Величество?

Амалия выпрямилась и ответила:

— Входи, Лиана.

Лиана вошла с платьем в руках. Не парадным. Простым, дорожным, из плотной белой ткани с серебристой вышивкой по вороту. Такое платье позволяло идти по грязным улицам и не выглядеть при этом так, будто королева решила притвориться простой женщиной.

Лиана положила платье на спинку кресла и сообщила:

— Советники уже собрались внизу, Ваше Величество.

Амалия взяла полотенце.

— Они поедут с нами?

— Лорд Вирен настаивает, — ответила Лиана.

Амалия сухо произнесла:

— Конечно, настаивает.

Лиана помолчала, потом добавила:

— Он говорит, что королева не должна посещать дома жителей без свидетелей.

Амалия повернулась к ней.

— Это не мои подданные.

Лиана замолчала.

Амалия заметила это и спросила:

— Что?

Лиана осторожно посмотрела на королеву.

— Возможно, именно это и есть главная беда Эйрена.

Амалия нахмурилась.

— Что у него нет королевы?

Лиана тихо ответила:

— Что у него нет никого, кто мог бы сказать: «они мои».

Эти слова остались в воздухе.

За окном Вейра просыпалась. По улице прошёл мальчик с корзиной дров. Следом за ним женщина распахнула ставни и вытряхнула на улицу пыльный коврик. Где-то далеко спорили торговцы.

Жизнь продолжалась так, будто над городом не висел приговор.

Амалия отвернулась к окну и сказала:

— Сегодня с нами идёт Каэль.

Лиана сжала платье чуть крепче.

— Вы уверены, что это разумно?

Амалия честно ответила:

— Нет.

— Тогда почему согласились? — спросила Лиана.

Амалия подняла взгляд к вершине горы.

На ней темнел замок Аэрон. Утренний туман цеплялся за его разрушенные башни, словно не хотел отпускать.

— Потому что он не даст мне увидеть только то, что удобно моей совести.

Лиана подошла ближе.

— А если он будет пытаться сломить вас?

Амалия не сразу ответила.

Потом тихо сказала:

— Значит, я узнаю, насколько хрупкой стала.

Советники действительно ждали внизу.

Лорд Вирен стоял у входа, закутавшись в белый меховой плащ так плотно, будто серый воздух Эйрена мог испачкать его кровь. Рядом с ним двое старших ангелов тихо переговаривались. Когда Амалия спустилась, они сразу поклонились.

Вирен первым обратился к королеве:

— Ваше Величество, я подготовил список домов, которые следует посетить. Семьи достойные, благоразумные, способные говорить без лишних эмоций.

Амалия взяла у него пергамент.

Пробежала взглядом.

Сложила пополам.

И вернула ему.

— Нет, лорд Вирен.

Советник моргнул.

— Простите?

Амалия спокойно повторила:

— Я сказала: нет. Мы пойдём туда, куда поведёт наместник Орен.

Вирен напрягся.

— Но, Ваше Величество, это может быть небезопасно. К тому же неподготовленные люди способны исказить впечатление.

Амалия посмотрела ему прямо в глаза.

— Люди не обязаны готовить свою боль к моему визиту, лорд Вирен.

Советник поджал губы.

— Королеве следует видеть полную картину.

— Тогда не закрывайте мне половину холста, — ответила Амалия.

Вирен хотел возразить, но не успел.

Двери раскрылись, и в дом Совета вошёл Каэль.

Без объявления.

Без просьбы.

Будто не существовало ни порога, ни чужой власти.

На нём был тёмный дорожный камзол, застёгнутый почти до горла, и длинный плащ Моргана. Меч висел у бедра. Волосы он небрежно убрал назад, но несколько чёрных прядей всё равно падали на лоб. В утреннем свете его рога казались не чёрными, а цвета полированного обсидиана.

Вирен вскинул подбородок и обратился к нему:

— Генерал Морган, в Аурелии принято ожидать приглашения.

Каэль даже не посмотрел на Вирена.

Он сухо ответил:

— В Моргане принято не опаздывать.

Амалия почувствовала, как Лиана рядом с ней едва заметно напряглась.

Королева повернулась к Каэлю.

— Генерал, мы как раз собирались.

Каэль окинул взглядом её советников.

— Вижу. Вы решили взять с собой половину суда?

Амалия ответила:

— Это не суд.

Каэль посмотрел на Вирена и других советников.

— Тогда зачем столько тех, кто уже вынес приговор?

Вирен шагнул вперёд.

— Вы забываетесь, генерал.

Каэль наконец повернул голову к нему.

— Нет. Я запоминаю лица.

В комнате стало тише.

Амалия сделала шаг между ними и сказала обоим:

— Достаточно. Сегодня мы не обсуждаем решения Советов. Мы слушаем жителей.

Каэль посмотрел на неё.

— Жители редко говорят правду при тех, кто может их потом наказать.

Амалия ответила:

— Тогда, возможно, вам тоже стоит оставить своих людей.

Каэль не сразу отвёл взгляд.

— Мои люди не боятся говорить при мне.

— Завидная иллюзия для военачальника, — сказала Амалия.

На секунду в глазах Каэля мелькнуло знакомое острое выражение.

Почти насмешка.

Почти уважение.

— Вы быстро учитесь отвечать, королева.

Амалия спокойно сказала:

— У меня хороший пример.

Орен Таль появился у лестницы, словно чувствовал, когда разговор начинает становиться опасным.

Он обратился ко всем сразу:

— Если все готовы, первый дом недалеко.

На улице было сыро.

Ночной дождь оставил на камнях мутные лужи. Вейра казалась совсем иной, чем вчера из кареты. Ближе. Неприбраннее. Живее. Здесь не было места торжественному взгляду сверху вниз. Узкие улицы заставляли идти рядом с лавками, людьми, чужими запахами, чужими разговорами.

Амалия шла пешком.

Её рыцари держались позади, недовольные тем, что королева отказалась от закрытой кареты. Советники тоже шли следом, стараясь не испачкать белые плащи.

Каэль двигался сбоку от Амалии. Не рядом, как спутник,

но и не позади, как подчинённый.

Это раздражало.

И почему-то успокаивало.

У первого дома Орен остановился.

Дом был маленьким. Каменный низ, деревянный второй этаж, крыша из тёмной черепицы. У двери висели два оберега: белое перо и чёрная костяная пластина с вырезанным знаком Моргана.

На пороге появилась женщина-ангел.

Совсем молодая.

Ей было не больше двадцати. Светлые волосы собраны в длинную косу, лицо бледное, под глазами тени. На руках она держала ребёнка, укутанного в серую ткань.

Амалия почувствовала, как у неё перехватило дыхание.

Ребёнок был жив.

Но слишком тих.

Орен повернулся к Амалии и представил женщину:

— Ваше Величество, это Эния. Её муж — из Моргана. Их сыну семь месяцев.

Эния попыталась поклониться, но ребёнок в её руках слабо пошевелился.

Амалия сразу подняла ладонь.

— Не надо. Пожалуйста.

Эния растерянно застыла.

Каэль посмотрел на ребёнка.

В лице его ничего не изменилось, но Амалия заметила,

как его пальцы коснулись рукояти меча, будто тело само искало опору.

Амалия мягко спросила Энию:

— Как его зовут?

Женщина ответила:

— Тарен, Ваше Величество.

Амалия сделала осторожный шаг ближе.

— Можно?

Эния замерла.

— Вы хотите... взять его?

В голосе её было недоверие. Не к королеве даже. К самому миру, где кто-то важный вдруг захотел прикоснуться к её ребёнку не для осмотра и не для приговора.

Амалия кивнула.

— Только если вы позволите.

Эния осторожно передала ей младенца.

Тарен оказался легче, чем должен был быть.

Слишком лёгкий.

Амалия держала его на руках и боялась дышать. Лицо ребёнка было маленьким, прозрачным, с тонкой синеватой тенью у губ. Под серой тканью шевельнулись крошечные крылья. Одно белое. Второе тёмно-серое, почти чёрное у основания.

Он открыл глаза.

Мутные, светлые, усталые.

И посмотрел на неё.

Амалия вдруг поняла, что никакие списки не были правдой.

Правда была здесь.

В этом весе.

В этом слабом дыхании.

В этой маленькой ладони, которая вдруг сжала край её рукава.

Она не знала, что сказать.

Не как королева.

Не как женщина.

Никак.

Каэль стоял рядом и смотрел на ребёнка молча.

Эния, будто испугавшись этой тишины, заговорила быстро, обращаясь к Амалии:

— Он хороший. Правда хороший. Ночью почти не плачет. Только когда жар поднимается. Иногда не ест. Знахарь говорит, сердце слабое, но он борется. Он очень борется, Ваше Величество.

Амалия тихо ответила:

— Я вижу.

Эния смотрела на неё почти с мольбой.

— Они говорят, такие дети не должны рождаться. Но он уже родился. Разве теперь можно говорить, что не должен?

Амалия подняла глаза на молодую мать.

Эния не просила чуда.

Она просила разрешения любить собственного сына без

вины.

— Нет, — сказала Амалия. — Нельзя.

Лорд Вирен за спиной королевы едва слышно кашлянул и обратился к Энии:

— Никто не обвиняет мать. Речь идёт о предотвращении будущих страданий.

Эния вздрогнула, будто её ударили.

Каэль повернулся к советнику.

— Замолчите.

Вирен побледнел.

— Что вы себе позволяете, генерал?

Каэль ответил холодно:

— Говорю то, что ваша королева не может сказать из вежливости.

— Генерал... — начал Вирен.

Амалия не дала ему продолжить.

Она обратилась к Вирену:

— Лорд Вирен. Снаружи.

Советник застыл.

— Ваше Величество?

Амалия повторила:

— Ждите снаружи.

На мгновение показалось, что Вирен откажется. Но при свидетелях он не мог ослушаться. С резким поклоном советник вышел из дома. За ним последовали ещё двое ангельских советников.

В комнате стало легче дышать.

Эния тихо заплакала.

— Простите, Ваше Величество.

Амалия посмотрела на неё.

— Вам не за что просить прощения.

Она вернула ей ребёнка. Когда Тарен снова оказался у матери на руках, его маленькие крылья расслабились, будто он узнал тепло.

Из соседней комнаты вышел мужчина.

Демон.

Высокий, широкоплечий, но с усталым лицом человека, который давно не спал. У него были короткие чёрные волосы, небольшие рога и простая рубашка, закатанная до локтей. Он остановился, увидев Каэля, и сразу выпрямился.

Мужчина обратился к нему:

— Генерал.

Каэль кивнул.

— Ты служил?

Демон ответил:

— Восточная граница. Третий отряд. До ранения.

— Имя? — спросил Каэль.

— Дарон, господин.

Каэль внимательно посмотрел на него.

— Почему остался здесь, Дарон?

Дарон перевёл взгляд на жену и ребёнка.

— Потому что они здесь.

Каэль сказал:

— В Моргане у тебя была бы пенсия.

Дарон ответил ему спокойно:

— В Моргане у меня не было бы их.

Эния опустила голову.

Амалия посмотрела на Каэля.

Он молчал.

И в этом молчании было больше, чем в его вчерашних речах.

Амалия спросила Дарона и Энию:

— Если Эйрен уничтожат, куда вы пойдёте?

Дарон усмехнулся. Горько, без веселья.

— Ангелы не пустят меня в Аурелию. Демоны не пустят её в Морган. А Тарена не пустит никто.

Эния прижала ребёнка крепче.

— Наместник сказал, что, может быть, семьи переселят.

Каэль спросил её:

— Куда?

Эния не ответила.

Потому что ответа не было.

Амалия посмотрела на низкую деревянную колыбель у стены. Над ней висела игрушка: маленькое крыло, вырезанное из серого дерева. Не белое. Не чёрное.

Серое.

Амалия спросила Дарона:

— Кто сделал?

Дарон посмотрел на игрушку.

— Я.

— Красиво, — сказала Амалия.

Он будто не ожидал такого слова.

— В Моргане я делал рукояти для ножей. Здесь научился делать детские вещи.

Каэль тихо произнёс:

— Странный обмен.

Дарон встретил его взгляд.

— Лучший, что был в моей жизни.

Впервые Амалия увидела, как на лице Каэля что-то дрогнуло.

Не мягкость.

Нет.

Скорее боль, которую он тут же задавил.

Они вышли из дома через полчаса.

На улице Вирен стоял с таким видом, будто его не выгнали, а он сам решил подышать воздухом. Когда Амалия появилась на пороге, он шагнул к ней.

Вирен обратился к королеве:

— Ваше Величество, подобное поведение при жителях подрывает достоинство Совета.

Амалия ответила:

— Тогда Совет должен вести себя достойно.

Вирен замолчал.

Каэль прошёл мимо него и негромко сказал:

— Запишите. Вдруг забудете.

Лиана отвернулась, скрывая улыбку.

Следующий дом был совсем другим.

Большой, шумный, с открытыми окнами. Во дворе сушились пелёнки. У крыльца сидели двое детей лет пяти и семи. Оба выглядели здоровыми.

Почти.

У старшего мальчика одно крыло было недоразвитым. Младшая девочка ходила, слегка прихрамывая, но смеялась так звонко, что Амалия невольно остановилась.

Амалия тихо спросила Орена:

— Они выжили?

Орен кивнул.

— Да, Ваше Величество. Но таких мало.

Из дома вышла пожилая женщина с тёмными крыльями демона и серебристыми волосами.

Она посмотрела на Амалию и сказала:

— Значит, всё-таки пришли.

Орен смутился.

— Равена...

Женщина резко повернулась к нему.

— Что Равена? Три года нас считали мечтой, теперь считают ошибкой. Пусть королева посмотрит на ошибку поближе.

Ангельские советники возмутились, но Амалия подняла руку.

Она обратилась к ним:

— Она имеет право говорить.

Равена посмотрела на Амалию пристально.

— Хорошо. Тогда входите. Только обувь вытирайте. У меня дети по полу ползают, а короны грязь не отменяют.

Каэль вдруг коротко усмехнулся.

Амалия услышала и повернулась к нему.

— Вас развеселили правила дома, генерал?

Каэль ответил:

— Нет. Их разумность.

В доме Равены пахло травами, молоком и горячими лепёшками. На стене висели семейные ленты: белые, чёрные, серые, переплетённые между собой. У очага молодая пара пыталась накормить маленькую девочку кашей. Девочка отворачивалась и упрямо мотала головой.

Равена указала на ребёнка и сказала Амалии:

— Это моя внучка. Полукровка. Четыре года. Живая, как видите. Упрямая, как оба её родителя сразу.

Девочка посмотрела на Амалию.

— Ты королева?

Амалия присела перед ней.

— Да.

Девочка спросила:

— А почему у тебя крылья белые?

Кто-то из советников тихо охнул, но Равена только фыркнула.

— Лира, не приставай.

Амалия ответила девочке:

— Потому что я родилась в Аурелии.

Лира нахмурилась.

— А я где родилась?

Мать девочки ответила:

— Здесь.

Лира снова посмотрела на Амалию.

— Значит, у меня крылья какие?

Она повернулась, показывая маленькие крылышки. Они были светло-серыми, с тёмными пятнами ближе к основанию.

Амалия смотрела на них и чувствовала, как внутри что-то болезненно сжимается.

— Очень красивые, — сказала она Лире.

Девочка прищурилась.

— Правда?

— Правда, — ответила Амалия.

Лира подумала и спросила:

— Тогда почему мама плачет, когда их расчёсывает?

Комната замолчала.

Молодая женщина у очага отвернулась.

Равена резко поставила чашку на стол.

— Потому что взрослые дуры иногда верят чужим словам больше, чем собственным глазам.

Каэль посмотрел на девочку.

— Ты умеешь летать?

Ли́ра фыркнула.

— Нет. Я же маленькая.

Каэль сказал:

— Некоторые маленькие думают, что уже умеют.

Девочка гордо ответила:

— Я не глупая.

— Это редкость, — произнёс Каэль.

Ли́ра внимательно изучила его.

— Ты демон?

— Да, — ответил Каэль.

— А почему у тебя рога?

Каэль сказал:

— Чтобы задавать лишние вопросы детям.

Девочка рассмеялась.

Амалия неожиданно тоже улыбнулась.

Каэль заметил.

И на этот раз не отвернулся сразу.

Равена поставила перед гостями травяной отвар, хотя никто не просил. Амалии подали чашку с отколотым краем. Вирен смотрел на неё так, будто это было оскорбление короны. Амалия спокойно взяла чашку обеими руками.

Амалия спросила Равену:

— Сколько детей вы потеряли?

Равена не стала делать вид, что не поняла.

— Двоих.

Мать Лиры закрыла глаза.

Амалия тихо спросила:

— Вы хотите рассказать?

Равена ответила:

— Первый мальчик прожил три дня. Второй — два месяца. Лира родилась слабой, но выкарабкалась. Потом её брат. Он тоже жив. Хромает, но живёт. Врачи говорят, это чудо.

Амалия посмотрела на неё.

— А вы что говорите?

Равена ответила:

— А я говорю, что чудо — это когда ребёнку дают шанс, а не списывают заранее.

Каэль медленно поставил чашку.

— Сколько знахарей в Вейре?

Орен ответил ему:

— Мало. Лучшие лекари Аурелии сюда не едут. Маги Моргана тоже. Официально нейтральные земли никто не бросал. Неофициально — нам помогают остатками.

Амалия резко посмотрела на Орена.

— Почему мне не докладывали?

Орен устало улыбнулся.

— Докладывали, Ваше Величество. Просто каждый доклад проходил через тех, кому выгодно, чтобы вы видели не просьбу о помощи, а доказательство провала.

Вирен резко поднялся.

— Это обвинение, наместник?

Равена глянула на него снизу вверх.

— Нет. Это вежливость. Обвинения у меня грубее.

Каэль снова усмехнулся.

Вирен покраснел.

— Ваше Величество, я вынужден...

Амалия не дала ему закончить.

— Сядьте, лорд Вирен.

В голосе её не было громкости.

Но было то, что заставило советника подчиниться.

Она повернулась к Орону.

— Мне нужны все доклады. Настоящие. Без сокращений.

Орен кивнул.

— Я передам.

— Сегодня, — уточнила Амалия.

— Да, Ваше Величество.

Каэль смотрел на неё внимательно.

— Решили исправить закон бумагами?

Амалия не повернулась к нему.

— Нет. Решила сначала узнать, какие бумаги от меня прятали.

Каэль сказал:

— Поздно.

Теперь она посмотрела на него.

— Для кого?

Он не ответил сразу.

За окном смеялись дети. Лира выбежала во двор, её серые

крылья дёргались за спиной смешно и неровно.

Каэль сказал:

— Для многих.

Амалия ответила:

— Но не для всех.

И снова между ними возникло то странное молчание.

Не согласие.

Но трещина в стене.

К полудню они посетили ещё четыре дома.

В одном их встретил мужчина-ангел, который потерял жену-демона при родах и теперь один растил слабую дочь. Он говорил спокойно, почти без выражения, пока девочка спала в соседней комнате. Но когда Амалия спросила, нужна ли ему помощь, он вдруг сел на пол у стены и закрыл лицо руками.

В другом доме жила пара, у которой трое детей умерли один за другим. На столе всё ещё стояли три маленькие чашки. Женщина не убирала их, потому что боялась: если уберёт, окончательно признает, что никто больше из них не будет пить.

В третьем доме Каэль встретил бывшего демонического разведчика. Тот потерял звание за брак с ангелом, но сказал генералу, что ни о чём не жалеет. Его жена, больная после тяжёлых родов, всё время держала мужа за руку.

В четвёртом доме ребёнок смешанной крови был здоров. Абсолютно.

Мальчик лет двух бегал по комнате, таская деревянный меч, и пытался ударить им Каэля по сапогу. Его мать смущалась, отец смеялся, а Каэль стоял неподвижно, позволяя ребёнку атаковать себя с мрачным видом человека, терпящего военное поражение.

Амалия посмотрела на Каэля и сказала:

— Вы проиграли, генерал.

Мальчик снова ударил его мечом по сапогу.

Каэль посмотрел вниз на ребёнка.

— Вижу.

Амалия спросила:

— Сдаётся?

Каэль ответил:

— Морган не сдаётся.

Мальчик поднял меч обеими руками и воинственно пискнул.

Каэль медленно положил ладонь на грудь.

— Но иногда признаёт временное превосходство противника.

Мальчик победно засмеялся.

Амалия поймала себя на том, что смотрит не на ребёнка, а на Каэля.

На то, как его суровое лицо оставалось почти неподвижным, но взгляд становился другим. Тише. Теплее. Человечнее, чем он сам позволил бы признать.

Каэль поднял глаза.

И понял, что она смотрит.

Амалия отвернулась первой.

К вечеру они вышли к маленькому кладбищу за домом
знахарей.

Тому самому, которое Амалия видела вчера из кареты.

Теперь она стояла перед ним пешком.

Без стекла между собой и правдой.

Камни были совсем низкими. Некоторые имели только да-
ту. Некоторые — одно имя. Некоторые — два символа ря-
дом: белое перо и чёрный клинок.

Орен остановился у калитки и сказал Амалии:

— Здесь хоронят детей, которых не приняли ни ангель-
ские, ни демонические кладбища.

Амалия сжала пальцы.

— Почему?

Орен ответил:

— Потому что для Аурелии они не были достаточно чи-
стыми. Для Моргана — достаточно сильными.

Каэль тихо выругался на демоническом.

Вирен бросил на него раздражённый взгляд, но промол-
чал.

Амалия вошла на кладбище.

Каждый шаг давался с трудом.

Она читала имена.

Мираэль. Семь дней.

Одан. Три месяца.

Райна. Один день.

Тир. Девять месяцев.

Лисса. Два часа.

У одного камня она остановилась.

На нём было высечено:

Амалия.

Королева застыла.

Орен подошёл ближе и тихо сказал:

— Её назвали в вашу честь, Ваше Величество.

Воздух исчез.

Амалия не сразу поняла, что перестала дышать.

Маленькая Амалия.

Дочь ангела и демона.

Прожила двенадцать дней.

Двенадцать.

Королева опустилась на колени перед камнем.

Белое платье коснулось мокрой земли. Лиана тихо шагнула к ней, но остановилась.

Амалия провела пальцами по имени.

Своему имени.

Чужой могиле.

И вдруг вся её сила, вся королевская выдержка, все слова, приготовленные для Совета, стали бессмысленными.

— Я не знала, — прошептала Амалия.

Каэль стоял у калитки. Его лицо было неподвижным, но взгляд стал тяжёлым.

Он сказал:

— Теперь знаете.

Она закрыла глаза.

— Это должно что-то изменить?

Каэль спросил:

— А изменит?

Вопрос был жестоким.

Но честным.

Амалия поднялась медленно.

Её колени были испачканы землёй. Белая ткань потемнела от сырости. Вирен смотрел на это с ужасом, как на оскорбление королевского достоинства.

Амалия больше не заботилась.

Она повернулась к Каэлю.

— Да.

Каэль посмотрел на неё долго.

— Что?

Амалия ответила:

— Я потребую лекарей. Магов. Открытых архивов. Совместного изучения смешанной крови. Защиты семей Эйрена.

Каэль усмехнулся.

— Ваш Совет не согласится.

— Тогда я прикажу, — сказала Амалия.

Каэль сделал шаг ближе.

— А если они перестанут слушать?

Эти слова прозвучали слишком точно.

Словно он видел то, чего Амалия сама боялась.

Она подняла подбородок.

— Тогда я напомню им, кто носит корону.

Каэль ответил:

— Корона — это металл. Власть — это те, кто исполняет приказ.

Амалия спросила:

— Вы хотите сказать, что я бессильна?

Каэль посмотрел на неё прямо.

— Я хочу сказать, что вы слишком долго верили, будто добрая воля сильнее страха.

— А вы слишком долго верили, что страх сильнее всего,

— ответила Амалия.

— Потому что он работает.

— До тех пор, пока не рождает ненависть.

— Ненависть тоже работает, — сказал Каэль.

Амалия посмотрела на детские могилы.

— Но не лечит детей.

Каэль замолчал.

Ветер прошёл по кладбищу, шевельнув ленты на маленьких камнях.

Амалия снова посмотрела на ряды могил.

— Я не подпишу уничтожение Эйрена.

Вирен резко поднял голову.

— Ваше Величество...

Амалия, не оборачиваясь к нему, сказала:

— Не здесь, лорд Вирен.

Каэль медленно произнёс:

— Даже если Морган потребует этого?

Амалия ответила:

— Да.

— Даже если ваш Совет назовёт вас виновной? — спросил

Каэль.

— Он уже считает меня виновной.

— Даже если дети продолжают умирать?

Амалия вздрогнула.

Но не отвела взгляда.

— Тогда я буду искать причину, а не убивать тех, кто напоминает мне о ней.

Каэль смотрел на неё так, будто впервые пытался понять не королеву Аурелии, а женщину, стоящую перед ним в испачканном платье на детском кладбище.

— Вы упрямая, — сказал он.

Амалия ответила:

— А вы не первый, кто мне это говорит.

— В Моргане это не всегда оскорбление.

— В Аурелии тоже, — сказала Амалия. — Просто советники часто забывают.

На этот раз Каэль улыбнулся.

Едва заметно.

Так быстро, что Амалия могла бы решить, будто ей пока-

залось.

Но не показалось.

Она увидела.

И почему-то это короткое движение его губ запомнилось ей сильнее всех сегодняшних споров.

Они возвращались в дом Совета уже в темноте.

Советники молчали. Лиана шла рядом с Амалией, не задавая вопросов. Орен держался впереди, показывая дорогу. Каэль снова шёл сбоку.

Вейра зажигала огни.

В окнах домов мелькали тени. Где-то пели тихую колыбельную на языке, в котором ангельские слова переплетались с демоническими. Амалия не знала этого языка, но мелодия была такой печальной, что смысл не требовался.

У входа в дом Совета Вирен наконец не выдержал.

Он обратился к Амалии:

— Ваше Величество, сегодняшние посещения были эмоционально тяжёлыми. Я настоятельно советую не принимать решений под впечатлением.

Амалия остановилась.

— Под впечатлением?

Вирен кивнул.

— Да. Под влиянием увиденного.

Она повернулась к нему.

— А под каким влиянием вы предлагаете мне решать судьбу Эйрена? Под влиянием чистого пергамента?

— Я предлагаю взвесить интересы Аурелии, — сказал Вирен.

Амалия ответила:

— А я сегодня впервые увидела, сколько весит один ребёнок, которого ваши интересы уже списали.

Вирен побледнел.

— Ваше Величество, вы несправедливы.

Амалия посмотрела на него устало.

— Нет, лорд Вирен. Я опоздала.

Она вошла внутрь, не дожидаясь ответа.

В холле было тепло. Слишком тепло после мокрой улицы. Амалия вдруг почувствовала усталость так резко, что ей пришлось на секунду опереться о стену.

Лиана сразу оказалась рядом.

— Вам плохо, Ваше Величество?

Амалия ответила:

— Нет.

— Вы дрожите.

— Это пройдёт.

— Вам нужно отдохнуть, — сказала Лиана.

Амалия хотела возразить, но сил не было.

Она поднялась по лестнице в свою комнату. Лиана помогла снять плащ, принесла тёплую воду, но Амалия всё равно чувствовала холод кладбищенской земли на коленях.

Лиана спросила:

— Приказать подать ужин?

— Позже.

— Вы ничего не ели с утра.

— Позже, Лиана, — повторила Амалия.

Советница не стала спорить.

Когда дверь закрылась, Амалия осталась одна.

Она подошла к зеркалу.

На неё смотрела королева с усталым лицом, тёмными кругами под глазами и пятнами земли на белом платье. Корона сегодня осталась в шкатулке. Без неё Амалия выглядела моложе. И уязвимее.

Она коснулась пальцами ткани на коленях.

Маленькая могила.

Имя.

Амалия.

Её имя на камне ребёнка, которого она не смогла спасти.

В дверь постучали.

Амалия выпрямилась.

— Лиана, я же сказала...

Из-за двери прозвучал низкий голос:

— Это не Лиана.

Амалия замерла.

Каэль.

Она должна была приказать ему уйти. Должна была позвать охрану. Должна была вспомнить, что он генерал вражеской страны и что приличия существуют не просто так.

Вместо этого она сказала:

— Войдите.

Дверь открылась.

Каэль вошёл без плаща. В руке он держал небольшую деревянную коробку.

Амалия насторожилась.

— Если это ещё один отчёт, я прочту его утром.

Каэль поставил коробку на стол.

— Это не отчёт.

Амалия посмотрела на коробку.

— Что это?

— Лекарства, — ответил Каэль.

— Для кого?

— Для мальчика. Тарена.

Амалия удивилась.

— Откуда?

Каэль ответил:

— Из запасов Моргана.

— Поможет? — спросила она.

— Не знаю, — честно сказал Каэль. — Наши полевые лекари используют это при слабом дыхании и горячке. Для полукровки может не подойти.

— Но вы всё равно отдали.

Каэль посмотрел на неё сухо.

— Я не сказал, что хочу смотреть, как он умирает.

Молчание легло между ними.

Амалия медленно подошла к столу и коснулась крышки

коробки.

— Спасибо.

Каэль нахмурился.

— Не благодарите. Это ничего не меняет.

— Меняет, — тихо сказала Амалия.

— Одного ребёнка не спасти войной с законом природы.

Амалия подняла на него глаза.

— Возможно. Но одного ребёнка можно попытаться спасти лекарством.

Он посмотрел на неё устало.

— Вы цепляетесь за мелочи.

— Иногда из них состоит всё, что у нас есть.

Каэль не ответил.

Он направился к двери, но Амалия вдруг спросила:

— Почему вы пришли сами?

Он остановился.

— А должен был отправить слугу?

— Могли.

— Не хотел, — ответил Каэль.

Она ждала продолжения.

Каэль молчал.

Тогда Амалия спросила:

— У вас были дети?

Вопрос вырвался сам.

Он был слишком личным.

Слишком резким.

Каэль медленно повернулся.

Его лицо стало холоднее.

— Нет.

Амалия тут же сказала:

— Простите.

Каэль посмотрел на неё.

— Не задавайте вопросов, если боитесь ответа.

— Я не боюсь ответа.

— Тогда зачем извинились?

Амалия опустила взгляд.

— Потому что поняла, что спросила не как королева.

Каэль спросил:

— А как кто?

Она подняла глаза.

И на этот раз не нашла, что сказать.

Каэль смотрел на неё долго. Потом его взгляд опустился к её платью, к пятнам земли на коленях.

— Вы могли приказать служанке очистить ткань, — сказал он.

Амалия посмотрела вниз.

— Могла.

— Почему не приказали?

Она тихо ответила:

— Не хочу, чтобы это исчезло слишком быстро.

Он понял.

Не сразу, но понял.

И это было страннее всего.

С Каэлем было трудно, грубо, опасно. Он бил словами точно в слабые места, не смягчал правду, не предлагал утешений. Но рядом с ним Амалия почему-то не чувствовала необходимости притворяться сильнее, чем была.

Каэль неожиданно сказал:

— В Моргане после битвы воины не смывают кровь до доклада.

Амалия подняла взгляд.

— Почему?

— Чтобы правитель видел, какой ценой ему досталась победа.

— А если это поражение? — спросила она.

Каэль ответил:

— Тогда тем более.

Она тихо усмехнулась.

— Станный способ утешить.

— Я не умею утешать.

— Заметно.

И снова — почти улыбка.

Почти.

Каэль открыл дверь.

— Завтра будут новые переговоры.

Амалия сказала:

— Они снова ни к чему не приведут.

Каэль посмотрел на неё через плечо.

— Скорее всего.

— Тогда зачем вы останетесь?

Он ответил не сразу.

Потом произнёс:

— По той же причине, что и вы.

Амалия спросила:

— И какой же?

Каэль посмотрел ей прямо в глаза.

— Хочу понять, в какой момент все мы решили, что легче уничтожить землю, чем признать собственный страх.

После его ухода Амалия долго стояла у стола.

Потом открыла коробку.

Внутри лежали маленькие флаконы из тёмного стекла, перевязанные чёрной нитью. На крышке была печать Моргана.

Демоническое лекарство для ребёнка, которого не хотели признавать ни ангелы, ни демоны.

Амалия осторожно закрыла коробку.

За окном темнела гора.

Замок Аэрон почти сливался с ночью, но одно разрушенное окно вдруг поймало лунный свет. На мгновение Амалии показалось, что на вершине кто-то стоит и смотрит вниз на Вейру.

На город.

На неё.

На Каэля.

Она моргнула — и видение исчезло.

Только замок остался.

Старый.

Немой.

Серый.

Как колыбель, которую мир ещё не решился принять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.